

Экспедиции в Центральную Азию и открытие раннесредневековых тюркских письменных памятников

Л.Ю. Тугусева

После того, как был освоен морской путь, соединявший западные, прежде всего средиземноморские, страны с Южной Азией, значение Великого шелкового пути как главной торговой магистрали между Востоком и Западом постепенно утрачивалось. Наибольшую роль в освоении пути в Индию и Китай сыграли арабские мореплаватели, суда которых вели торговлю во всей западной части Индийского океана, от берегов Индии до восточного побережья Африки. Шелковый путь постепенно распался на дороги местного значения, а Центральная Азия погружалась во мрак неизвестности для отдаленных от нее земель.

Интерес к Центральной Азии в странах Западной Европы вновь возник с появлением в первой четверти XIII в. у ее границ монгольских войск и с началом крестовых походов. К тому же времени относится распространение в европейских странах легенды о существовании в Центральной Азии государства, управляемого правителем-христианином, «пресвитером Иоанном». Для проверки этих сведений, а также для получения достоверных данных о монголах из Западной Европы были направлены дипломатические и религиозные миссии. Наиболее активную политику вели папа римский и французский король-крестоносец Людовик IX. Для осуществления поставленных целей они привлекли монахов доминиканского и францисканского орденов. Францисканцы во главе с Плано Карпини выступили в путь в 1245 г. Их путешествие в ставку монгольских ханов Каракорум и обратно длилось около двух лет. Подробный отчет Карпини не утратил своего значения до настоящего времени. В 1249 г. в Каракоруме побывал францисканский монах Андре Лонжюмо, но отчет о его экспедиции не сохранился. Одной из наиболее результативных была миссия францисканца Гильома Рубрука. Вместе со своими спутниками он отправился в путь зимой 1252/1253 гг. и прибыл в ставку Мунке-хана в Каракоруме в конце декабря 1254 г. В свой монастырь он вернулся в 1256 г. Отчет о путешествии, составленный Рубруком, содержит ценные, нередко уникальные сведения о религии, хозяйстве, быте, военной организации народов, среди которых он побывал.

Существенно отличается от отчетов дипломатических и религиозных миссий «Книга» Марко Поло, составленная на основе его длительного пребывания в Центральной Азии и в Китае во второй половине XIII в. В отличие от отчетов мона-

Expeditions to Central Asia and the Discovery of Early Medieval Turkic Manuscripts

L.Yu. Tugusheva

During the Middle Ages Central Asia for a long time remained a *terra incognita* for Europeans. With the discovery of the sea route linking western, chiefly Mediterranean countries with Southern Asia, the Silk Road as the main trade route between East and West became increasingly untravelled. Arab navigators, whose ships were trading all over the Western part of the Indian Ocean, from the Indian coast to the eastern coast of Africa, made the most valuable contribution to opening up the sea routes to India and China. The Silk Road gradually broke up into a number of local roads as far-off countries found Central Asia sinking into oblivion.

In the first quarter of the 13th century Western Europe, concerned about the concentration of Mongolian troops near its borders and engaged in the launching of crusades, began to devote renewed attention to Central Asia. During the same period a legend about a Central Asian country ruled by a Christian, Presbyter John, began to spread throughout the European countries. In order to verify these rumours and obtain reliable information about the Mongols, Western European countries organized a number of diplomatic and religious missions. Especially active were the Pope and Louis IX of France, himself a crusader. In pursuing their goals they recruited the services of the Dominicans and the Franciscans. Franciscan friars, led by Giovanni da Pian del Carpin, set out in 1245. Their journey to the capital of the Mongol khans in Karakorum and back lasted about two years. Carpin's detailed account has not lost its significance today. In 1249, the Franciscan friar André Longeumeau visited Karakorum, but his expedition report has not survived. One of the most fruitful missions was led by the Franciscan friar Willem van Ruysbroeck. He set out together with his companions in the winter of 1252–53 and arrived in Karakorum, Mongke Khan's capital, at the end of December 1254. It was not until 1256 that he returned to his monastery. Ruysbroeck's report contains valuable, indeed unique information about the religion, economy, customs and armed forces of diverse nations.

Marco Polo's *Travels*, vastly different from reports by diplomatic and religious missions, was based on his own experiences of many years in Central Asia and China in the second half of the 13th century, after Carpin and Ruysbroeck. Unlike the friars' accounts, his book was conceived as a sort of guide for merchants. Long before this genre emerged in Europe, it had

хов этот труд был задуман как «путеводитель» для торговцев. Задолго до появления европейских сочинений подобные руководства составлялись арабскими географами, но они по большей части представляли собой компиляции уже существовавших сочинений. Книга Марко Поло была создана, в отличие от них, на основе личных наблюдений автора и рассказов очевидцев, с которыми он встречался во время своего путешествия. Написана она была предположительно в 1296 г. и содержит наиболее подробное и обстоятельное для того времени описание всего маршрута путешествия от Константинополя до Китая через Центральную Азию.

Путешественники, посещавшие ставки правителей центральноазиатских стран в раннем средневековье, упоминали, что встречали там русских ремесленников, торговцев, дипломатов. Но первые достоверные сведения о посольствах из России в Китай относятся к началу XVII в., а в 1715 г. в Китае была основана Русская духовная православная миссия. В 1713—1716 гг. была организована первая продолжительная экспедиция в Центральную Азию из России под руководством Трушникова. Маршрут этой экспедиции пролегал через Восточный Туркестан в Северный Тибет и далее к оз. Кукунор и охватывал обширную территорию, которая до того времени не посещалась европейцами. К целенаправленным исследованиям Центральной Азии русские ученые приступили в начале XIX в. По следам путешествий П.П. Семенова и при непосредственном его содействии в 1870—1885 гг. были снаряжены четыре центральноазиатских экспедиции Н.М. Пржевальского, в которых приняли участие М.В. Певцов, В.И. Роборовский, П.К. Козлов и др.

В третьей центральноазиатской экспедиции Н.М. Пржевальского (1879—1880) вторым помощником начальника был назначен В.И. Роборовский. В четвертой экспедиции (1883—1885) он уже выступал в ответственной роли старшего помощника начальника. В экспедиции М.В. Певцова 1889—1890 гг. В.И. Роборовский совершал самостоятельные разъезды на северные окраины Тибета. Разъезды В.И. Роборовского проходили в труднейших условиях высокогорного плато, нередко на высоте около 5000 м¹.

Для описания условий, в которых, начиная с древних времен, преодолевали просторы Центральной Азии путешественники и завоеватели, более всего подошли бы слова Жана-Поля Ру, сказанные им о военных походах кочевников: «Надобно, описывая все это, десять или сто раз повторять одни и те же слова: “страшный холод”, “иссушающая жара”, “разбитые дороги”, ... описать одни и те же пейзажи: “непроходимые пустыни”, “неприступные горы”, “бескрайние степи”»².

been practiced by Arabic writers who, creating their compilative works, relied on previous records. By contrast, *The Travels of Marco Polo* resulted from the author's first-hand observations and the eyewitness accounts he had heard from the eyewitness' mouth. Presumably written in 1296, the book contains a most detailed and thorough description of the long trek from Constantinople to China across Central Asia.

Visitors to the capital cities of Central Asian countries during the early Middle Ages mentioned that they had met Russian artisans, merchants and diplomats there. The earliest trustworthy accounts of Russian embassies to China date back to the early 17th century. A Russian Orthodox mission was not established in China until 1715. In 1713—16, Russia's first long expedition under Trushnikov travelled to Central Asia. Its members crossed Eastern Turkestan and northern Tibet and advanced towards Lake Koko Nor, traversing enormous territories where Europeans had never set foot. Russian scientists began a systematic study of Central Asia in the early 19th century. Following P.P. Semyonov's journeys and with his direct assistance, four expeditions led by N.M. Przhevalsky were sent to Central Asia between 1870 and 1885; his companions were M.V. Pevtsov, V.I. Roborovsky and P.K. Kozlov, to name only a few.

V.I. Roborovsky was second assistant to the leader during N.M. Przhevalsky's third expedition to Central Asia in 1879—80. During the fourth expedition (1883—85), he was promoted to chief assistant. As a member of M.V. Pevtsov's expedition of 1889—90, Roborovsky was entrusted with making independent trips to the northern outskirts of Tibet. His sorties were made under extreme conditions, taking him to mountain plateaus at altitudes of about 5,000 metres.¹

The difficulties that travellers and conquerors had faced in Central Asia since ancient times could best be characterized using Jean-Paul Roux's reference to the nomads' military campaigns: “In recounting all this, one has got to repeat the same words dozens or hundreds of times: ‘bitter frosts’, ‘withering heat’, ‘ruined roads’ ... , and describe the same landscapes time and again: ‘impassable deserts’, ‘forbidding unassailable mountains’ and ‘boundless steppes’.”²

Having become a most experienced explorer of Central Asia, Roborovsky headed an expedition in 1893—95. The travellers set out from Karakol, traversed the Tian Shan along the high plateaus of Greater and Lesser Yulduz, descended to the Turfan (Lukchun) Depression, crossed the Hami Desert, reached Dunhuang and proceeded to Lake Koko Nor. Apart from everything else, Roborovsky had set himself the task of providing a detailed description of the Turfan Depression with its towns and villages. He gave special attention to a study of the

¹ Роборовский В.И. Путешествие в Восточный Тянь-Шань и в Нань-Шань. М., 1949. С. 13.

² Ру Ж.-П. Тамирлан. М., 2007. С. 12.

¹ Roborovsky, V.I. *A Journey to the Eastern Tian Shan and Nan Shan*. М., 1949, p. 13.

² Roux, J.-P. *Tamerlan* [in Russian]. М., 2007, p. 12.

Экспедицию 1893—1895 гг. уже возглавил В.И. Роборовский, как один из опытейших исследователей Центральной Азии. Путешественники выступили из Каракола и через хребет Тянь-Шань прошли по высокогорным плато Большой и Малый Юлдузы, спустились в Турфанскую (Люкчунскую) котловину, далее через Хамийскую пустыню прошли до Дуньхуана и оттуда проследовали до оз. Кукунор. Одной из задач, которую поставил перед собой Роборовский, было подробное описание Турфанской котловины, располагавшихся там городов и селений. Особое внимание он уделил исследованию развалин Идикут-шари, бывшей резиденции правителей княжества Кочо.

Результаты осмотра развалин, произведенного во время этой поездки, нашли отражение в записках В.И. Роборовского: «...мы вошли в южные ворота Идыгота-шари [Идикут-шари]. Нашим глазам представились обширные посева проса среди древних развалин... Город окружен стеною около 3 сажень толщиной и до 5 вышиною, выложенной из сырцового кирпича; стена эта около шести верст длиною. Находящиеся тут здания все разрушены; дома имели сводчатые потолки. Большинство зданий были двухэтажными; на внутренних и наружных стенах всюду буддийские рисунки, у коих все лица людей испорчены и исцарапаны... Много попадалось гигантских разрушенных бурханов и развалин монастырей и храмов. Из всего можно заключить, что здесь некогда процветал буддизм. Развалины эти быстро идут к окончательному разрушению, потому что местные жители, *чанту* окрестных селений, ломают их выветрившиеся стены и разбивают и удобряют их глиною свои пашни; недалеко то время, когда все эти крайне интересные и совершенно неисследованные археологами остатки древности исчезнут с лица земли. Раскапывая эти развалины, *чанту* часто находят различные предметы обихода прежних жителей-уйгуров — старую глиняную посуду, стеклянные цветные украшения, монеты серебряные и медные, множество рукописей. Образцы этих вещей мне удалось приобрести. Добытые в свитках рукописи были до фута шириною и до четырех аршин длиною. У западной стены города близ ворот я видел большую ступообразную могилу с круговым внутри ходом, украшенным рисунками по стенам и потолку. Вне города за восточной стеной стоят две группы могил ступообразной формы; были могилы и пирамидальной формы, шестигранные с круглым отверстием вверху... Вообще вся котловина представляет очень большой интерес для археолога — всюду натыкаешься на остатки обитавших здесь в старину жителей иного культа»³.

Участникам экспедиции удалось собрать в Турфане большую коллекцию предметов старины: монет, керамику, глиняные фигурки божеств и пр. Особую ценность представляли найденные ими образцы письменных памятников. Когда

Idikutshari ruins, the former residence of the Kocho kingdom rulers.

Roborovsky thus recorded the results of examining the ruins during his trip: "... we entered Idikutshari by the southern gate. Our eyes fixed on vast crops of millet amid the ancient ruins... The town is enclosed within an adobe wall about 3 *sazhen* thick and up to five *sazhen* high; the wall is about six verst long. All the buildings are destroyed; the houses used to have vaulted ceilings. Most of the buildings were two-storied, their interior and exterior walls covered with Buddhist murals in which the people's faces are all damaged and scratched... We came across the remnants of many huge *burkhan* images as well as ruined monasteries and temples. It can be concluded, therefore, that Buddhism had once flourished in this area. The ruins are quickly falling out of existence because the natives, the Changtu population of neighbouring villages, break down the eroded walls, crush them and use its clay for fertilizer on their fields; it will not be long before all these extremely interesting and archaeologically unexplored ancient remnants get wiped off the face of the earth. While digging the ruins, the Changtu often find various household utensils used by former residents, the Uighurs, e.g. ceramic vessels, variegated glass ornaments, silver and copper coins and multitudes of manuscripts. I managed to acquire samples of these objects. The purchased scrolls were up to a foot wide and up to four *arshin* long. Near the town's west wall, not far from the gates, I saw a large *stupa* with a spiral passage inside, its walls and ceiling decorated with murals. Outside of the town, beyond its east wall are two groups of *stupa*-like tombs; there were also pyramidal tombs and hexagonal ones with a round opening on top... In fact, the entire depression is of great interest to archaeologists, for everywhere you go, you stumble upon the remnants of the ancient local culture and traces of the populace practicing an alien religion."³

In Turfan, the expedition succeeded in putting together a large collection of ancient objects, including coins, ceramic articles, clay figures of deities, etc. Particularly valuable were samples of manuscripts. Immediately they were delivered to St. Petersburg, they created such keen interest on the part of the academic community that a specialized expedition under D.A. Klementz was sent to Eastern Turkestan in 1898 in order to collect similar kinds of materials. The expedition brought back a priceless collection of early medieval Turkic official documents, which V.V. Radloff soon prepared for publication and subsequently included in his fundamental work.⁴

³ Роборовский В.И. *Указ. соч.* С. 392—393.

³ Roborovsky, V.I. *Op. cit.*, pp. 392—393.

⁴ Radloff, W. *Uigurische Sprachdenkmäler*. L., 1928. S. 82—112.

Будда на лotosовом троне. XIV–XV вв. (?)

Бумага, черная тушь. 17×13,5 см. ИВР РАН, SI O6

Доставлено из Восточного Туркестана экспедицией 1909–1910 гг. под руководством С.Ф. Ольденбурга.

Buddha on the lotus throne. 14th to 15th century (?)

Indian ink on paper. 17×13.5 cm. IOM RAS, SI O6

Brought from Eastern Turkestan by the 1909–10 expedition headed by S.F. Oldenburg.

они были доставлены в Петербург, уже первое знакомство с ними вызвало столь большой интерес ученых, что специально для сбора подобных материалов в 1898 г. в Восточный Туркестан была направлена экспедиция под руководством Д.А. Клеменца. Из этой поездки была доставлена ценнейшая коллекция раннесредневековых тюркских деловых документов, которые незамедлительно были подготовлены для публикации В.В. Радловым и впоследствии вошли в состав его фундаментального труда⁴.

В.И. Роборовский был одним из первых, кто обратил внимание на необходимость безотлагательного изучения сохранившихся в Восточном Туркестане следов древних цивилизаций. Его записи о составе населения, хозяйстве, политическом устройстве, быте и о прочих сторонах жизни в разных частях исследуемого региона стали важнейшими для своего времени документами. Одаренный художник, он делал зарисовки, в которых были ярко отражены и природные объекты, и социальные феномены. В.И. Роборовский впервые выполнил детальное описание населенных пунктов и остатков древних развалин, находящихся в Турфанской котловине и в ее округе: Люкчун, Богар, Пичан, Лямджин, Чуванкер, Чыктым, Туяк, Сенгим, Идикут-шари и др.

Неординарные открытия в области археологии, сделанные в крае, в том числе экспедицией 1893—1895 гг. В.И. Роборовского, послужили основанием для обращения группы археологов в Восточное отделение Российского археологического общества (ВОРАО) с «Запиской» о необходимости археологического обследования Турфана⁵. После создания Русского комитета для исследования Средней и Восточной Азии (РКСА) в 1903 г. экспедиции, направляемые в Восточный Туркестан, регулярно сообщают о находках рукописей на тюркских языках. Экспедиции М.М. Березовского и первая Российская Туркестанская экспедиция С.Ф. Ольденбурга также доставили несколько раннесредневековых тюркских деловых документов, которые впоследствии были опубликованы С.Е. Маловым⁶.

С самых ранних этапов изучения края у исследователей не было сомнений в том, что с древних времен жители городов и селений в Восточном Туркестане покидали обжитые места в связи с перемещением русел рек. С.Ф. Ольденбург писал: «Мы знаем теперь, что нигде здесь мы не можем ожидать того, что находят в Помпеях, жизнь здесь угасала постепенно или, вернее, постепенно передвигалась»⁷. Хотя этот факт очевиден, на месте устойчиво бытовала легенда о

Roborovsky was among the first to insist on urgent research into the extant remains of ancient civilizations in Eastern Turkestan. Meanwhile, his own accounts of the population patterns, economy, political systems, lifestyles and other aspects of culture in the region under investigation made a breakthrough in contemporary science. A gifted artist, he would make vivid sketches of natural landmarks and everyday scenes. He was the first to provide a detailed description of the settlements and ancient ruins in the Turfan Depression and surrounding areas, e.g. Lukchun, Bogar, Pichang, Lamjin, Chuvanker, Chyktym, Toyuq, Sängim, Idiqtshari, etc.

Extraordinary archeological discoveries in the area, particularly those made by Roborovsky's 1893—95 expedition, instigated a group of archaeologists to approach the Oriental Branch of the Russian Archaeological Society (OBRAS) with a *Note on the Organization of an Expedition to the Tarim Basin for Archaeological Purposes*.⁵ After the establishment in 1903 of the Russian Committee for Middle and East Asia Exploration (RCMA), expeditions sent to Eastern Turkestan regularly reported their finds of manuscripts in Turkic languages. M.M. Berezovsky's expedition and the First Russian Turkestan Expedition led by S.F. Oldenburg also delivered several early medieval Turkic official documents, later published by S.E. Malov.⁶

Even at the early stages of research into the region, the scientists were convinced that since ancient times the migration of urban and rural population in Eastern Turkestan had been due to riverbed shifts. S.F. Oldenburg wrote: "Now we know that we cannot expect to find in this area anything similar to what was found in Pompeii, because life was declining gradually here, or rather, it was shifting gradually."⁷ Although the fact seems to be obvious, there used to be an age-old local legend about a certain town that had been buried under the sand in an instant, so that not a soul managed to escape. This extraordinary story recorded in ancient chronicles was passed down by word of mouth in Eastern Turkestan until the 20th century.⁸

Stories of miraculous finds, however, were not always invented. For instance, Mirza Haidar, the author of the sixteenth-century chronicle entitled *Tarih-i-Rashidi*, a brilliantly educated man by contemporary standards, one of the Dughlat tribe that had controlled the larger part of Eastern Turkestan since

⁴ Radloff W. *Uigurische Sprachdenkmäler*. L., 1928, S. 82—112.

⁵ Веселовский Н.И., Клеменц Д.А., Ольденбург С.Ф. Записка о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима // ЗВОРАО. Т. 13. Вып. 1. СПб., 1901. С. 9—18.

⁶ Малов С.Е. Уйгурские рукописные документы экспедиции С.Ф. Ольденбурга // Записки Института востоковедения АН СССР. Т. 1. М.; Л., 1932. С. 129—149.

⁷ Ольденбург С.Ф. Исследование памятников старинных культур Китайского Туркестана // ЖМНП. Ч. 353. 1904, № 6. Отд. II. С. 396.

⁵ Veselovsky, N.I., Klementz, D.A., Oldenburg, S.F. "Note on the Organization of an Expedition to the Tarim Basin for Archaeological Purposes." *POBRAS*. Vol. 13. Issue 1. SPb., 1901, pp. 9—18.

⁶ Malov, S.E. "Uighur Handwritten Documents from S.F. Oldenburg's Expedition." *Proceedings of the IOS, USSR AS*. Vol. 1. M., L., 1932, pp. 129—149.

⁷ Oldenburg, S.F. "An Inquiry into the Monuments of Ancient Cultures in Chinese Turkestan." *JMPE*. Part 353 (1904), No 6, section II, p. 396.

⁸ *Ibid.*, pp. 393—396.

том, что некий город был засыпан песком столь стремительно, что вырваться из этого песчаного плена не смог никто. Эта легенда была представлена в древних письменных памятниках и пересказывалась жителями Восточного Туркестана вплоть до XX в.⁸

Сведения о чудесных находках не всегда были вымышленными. Мирза Хайдар, автор исторического сочинения «Тарих-и-Рашиди» (XVI в.), человек для своего времени прекрасно образованный, происходивший из племени *дуғлат*, представители которого со времен эмира Худайдада (XIII в.) были правителями на большей части территории Восточного Туркестана, в своем сочинении приводит историю о том, что один из местных властителей, Аба Бакр мирза, для заключенных в темницу «придумал работу под названием “казик” — “раскопки”: он приказывал раскапывать древние городища и промывать землю. Крупные предметы обнаруживались сразу, а мелкие — при промывке земли. Таким образом он накопил несметное количество жемчуга, золота и серебра. Я слышал от его доверенных людей, что в старой крепости Хотан нашли клад в двадцати семи глиняных кувшинах такого [размера], что если человек с колчаном входил в него, то не задевал [стен] кувшина. <...> Внутри каждого из этих кувшинов имелся медный рукомо́йник. <...> Высота медного рукомо́йника составляла более полутора *газов*⁹. <...> Внутри каждого кувшина был помещен один из этих медных рукомо́йников, наполненных золотым песком. Снаружи он был окружен елитками серебра — *балишами*. <...> Об этих *балишах*, кроме названия, ничего не было известно. Большая часть тех балишей, которые были положены внутри глиняных кувшинов вокруг медных рукомо́йников, хранились в таком виде в казне и [впоследствии] попали в руки воинов [Са'ид] хана¹⁰. Ко мне тоже попало несколько [балишей], и тогда я увидел их»¹¹. Следует заметить, что такого рода бруски серебра (*балиши*), о которых говорит Мирза Хайдар, с древних времен использовались в Восточном Туркестане в качестве платежного средства высокой стоимости¹². Сведения Мирзы Хайдара подтверждают приведенную выше бродячую легенду, поскольку жители, настигнутые стихийными бедствиями, видимо, покидали обжитые места поспешно, не имея возможности захватить с собой скарб, имущество и ценности.

При содействии РКСА в 1909—1911 и в 1913—1915 гг. состоялись поездки в Восточный Туркестан С.Е. Малова.

the time of the thirteenth-century emir Khudaydad, tells the story of a local ruler, Aba-Bakr Mirza, who set prisoners a work called *kazik*, ‘digging’: “He ordered the old cities to be excavated by these [prisoners], and the earth dug from them to be washed. If there were anything big, they would come upon it in digging, while anything small [such as gems] they would find when they washed [the earth]. In this way, innumerable treasures in precious stones, gold and silver were discovered. I have heard some of his confidants say that a treasure was found in the citadel of Khotan. There were twenty-seven jars of such a size that a man, with a quiver on, could get inside them, without stooping or bending [and without touching it on any side]. Inside each of these jars was a copper ewer. One of these ewers fell into my possession. It is a sort of flask with a long narrow neck, to which is fixed a rough iron handle. In the centre of the ewer is a copper spout, the nose of which is on a level with the mouth of the ewer. The height of it is, at a guess, over one and a half *gaz*.⁹ When filled with water, two persons had great difficulty in lifting it, and they could not carry it from one place to another. Inside each of the jars was placed one of these ewers, filled with gold dust, and outside [the ewers] the space was filled with *balish* of silver. In historical works, such as the *Jahan-Kushai*, the *Jami-ut-Tavarikh*, and others, a *balish* is thus described: ‘A *balish* is 500 *mithkal* [of silver], made into a long brick with a depression in the middle.’ I had [at that time] only heard the name [and had never seen one myself, but had read the description in these books]. These *balish* had been placed outside the ewers, but inside the jars. Many of them were brought, just as they were, to the treasury, which fell into the hands of the Khan’s army [when Sultan Sa’id-khan¹⁰ conquered Yarkānd]. I myself possessed some of them. Thus I saw the *balish*.”¹¹

It should be noted that silver bricks referred to as *balish* by Mirza Haidar had been used in Eastern Turkestan as valued currency.¹² Therefore, Mirza Haidar’s account seems to confirm the abovementioned wandering legend, for people caught in elemental calamities must have abandoned their homes in a great hurry, having no opportunity to take their belongings, property or valuables with them.

The RCMA was instrumental in organizing, in 1909—11 and 1913—15, S.E. Malov’s journeys to Eastern Turkestan. His expeditions pursued ethnographic and linguistic rather than archaeological goals and set themselves the task of adding

⁸ Там же. С. 393—396.

⁹ Газ (гяз) — мера длины, составляет около 90 см.

¹⁰ Са'ид-хан — один из правителей Моголистана (ум. в 1533 г.).

¹¹ Мирза Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди / Введение и перевод с персидского А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. Ташкент, 1996. Л. 163 а, б.

¹² Radloff W. *Op. cit.* S. 12, 19, 114, 133; Yamada N. *Sammlung uigurischer Kontrakte*. Bd. 2. Osaka, 1993. S. 301.

⁹ *Gaz* (or *giaz*) — unit of measure equal to about 90 cm.

¹⁰ Sa'id-khan — a Mongolistan ruler (died 1533).

¹¹ Mirza Muhammad Haidar. *Tarih-i Rashidi*. Translated from the Persian, with an introduction by A. Urumbayev, R.P. Dzhaililova, and L.M. Epifanova. Tashkent, 1966. f.163 a, b.

¹² Radloff, W. *Op. cit.* S. 12, 19, 114, 133 ff.; Yamada, N. *Sammlung uigurischer Kontrakte*. Bd. 2. Osaka, 1993. S. 301.

Его экспедиции имели целью не столько археологические, сколько этнографические и лингвистические исследования и пополнение рукописных коллекций. Добравшись до Урумчи обычным маршрутом через Среднюю Азию, С.Е. Малов проехал до Хами и оттуда, преодолев Хамийскую пустыню, до провинции Ганьсу. Главной его находкой было обнаруженное во время первой экспедиции в селении Вуншигу недалеко от г. Сучжоу в провинции Ганьсу наиболее полное из известных ныне текстов тюркской версии сутры «Суварнапрабхаса», а среди других рукописных материалов — неординарный по содержанию деловой документ, впоследствии им же опубликованный¹³. Во время поездок С.Е. Малов много внимания уделил сбору этнографического материала и изучению живых тюркских языков и наречий. Он заложил основу исследований малоизученных до того времени языков и наречий: сарыг-югурского, саларского, хамийского, лопнорского, хотанского, а также диалектов новоуйгурского языка. Отделенные друг от друга обширными пустынями, жители оазисов Восточного Туркестана сохраняли свои наречия, порой существенно отличавшиеся друг от друга и от литературного новоуйгурского языка. В своих работах С.Е. Малов впервые обратил внимание на то, что языки и наречия некоторых оазисов не могут классифицироваться как диалект новоуйгурского языка и по некоторым своим признакам должны быть отнесены к другим группам тюркских языков. К таковым, в частности, он относил лопнорский и хотанский наречия и сарыг-югурский язык. С.Е. Малов отмечал: «...язык желтых уйгуров (*id.* сарыг-югурский) трудно считать уйгурским..., он представляет собой или окиргизившийся в давнее время (какой-то) уйгурский язык, или совсем другой язык»¹⁴. Труды С.Е. Малова, посвященные живым диалектам и наречиям Восточного Туркестана, отражали их особенности, уже в то время стремительно утрачиваемые под нивелирующим воздействием новоуйгурского литературного языка. Выявление характерных особенностей этих языков и наречий, сохранившихся благодаря изолированному существованию их носителей, как показала исследовательская практика, имеет значение и для изучения письменных памятников.

С.Е. Маловым были собраны также обширные этнографические коллекции среди сарыг-югуров, саларов, лопнорцев, уйгуров и других народов Восточного Туркестана. Им были приобретены комплекты свадебных нарядов, женские украшения, предметы мужского и детского одевания, музыкальные инструменты, изображения божеств и иные предметы культа, домашняя утварь, охотничьи принадлежности, инструменты сельскохозяйственного и иного назначения, медные зеркала, детали кольчуги и многое др. Кроме того, им было сделано большое количество фотоснимков.

to existing manuscript collections. Having reached Urumqi along the traditional route across Middle Asia, Malov arrived at Hami, crossed the Hami Desert and reached the Gansu Province. His major find was the most complete extant text of the Turkic version of the *Suvarṇaprabhāsa-sūtra* discovered during his first expedition in the village of Wangshigu near Suzhou, Gansu. Besides, he acquired a unique official document that he subsequently published.¹³

During his trips Malov worked hard to collect ethnographic material and study living Turkic languages and dialects. It was he who paved the way for a study of little-known languages and dialects, e.g. Saryg-Yugur, Salar, Hami, Lop Nor, Khotan as well as a few dialects of the Modern Uighur language. Separated by vast deserts, the inhabitants of oases maintained their own dialects, some of them strikingly different from one another and from Modern Uighur, a literary language. Malov was the first to point out that the languages and dialects spoken in some oases cannot be qualified as dialects of Modern Uighur and should be classed, on the basis of their features, with other groups of Turkic languages. He showed this to be true, in particular, of the Lobnor and Khotan dialects and the Saryg-Yugur language. He wrote: “... the language of the Saryg-Yugur can hardly be regarded as Uighur...; it is either a long-Kyrgyzized Uighur language or an altogether different one.”¹⁴ Malov’s papers on the living dialects and language varieties indigenous to Eastern Turkestan reflected their distinguishing characteristics, then already rapidly disappearing under the unifying influence of Modern Uighur. Experience has shown that the determination of typical features peculiar to these languages and dialects, which had survived due to the isolation of the communities where they were spoken, is instrumental in studying written monuments.

Malov also acquired abundant ethnographic material from the Saryg-Yugur, the Salar, the Lobnor, the Uighur and other nationalities native to Eastern Turkestan. His collection included sets of wedding attire, women’s ornaments, articles of men’s and children’s clothing, musical instruments, representations of deities and other cult objects, household utensils, hunting gear, farming and other implements, bronze mirrors, fragments of chain armour, etc. Moreover, he provided a large number of photographs.

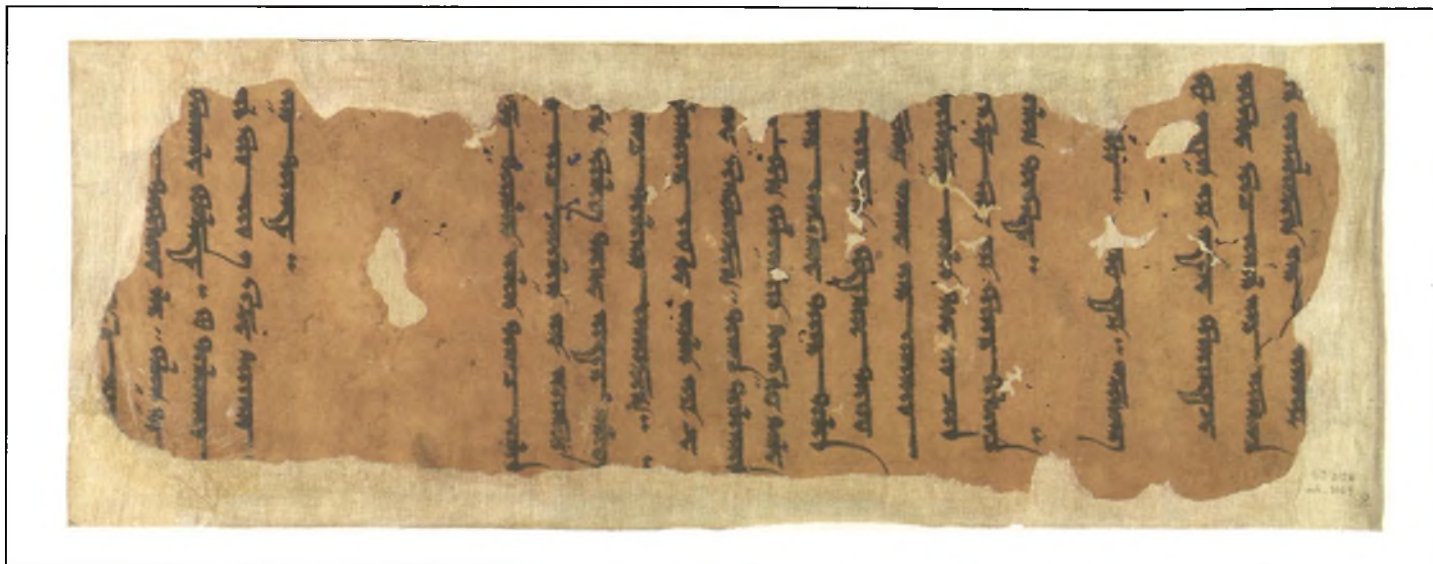
The early medieval Turkic records delivered to St. Petersburg by Russian explorers are kept in the IOM RAS. They are included in the Central Asian (*Serindica*) collection and divided into ten groups on the basis of their provenance. The total number of early medieval Turkic manuscripts amounts to about 4,000 items. Discovered chiefly among abandoned ruins, under the sand and debris, they look rather like

¹³ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 201—204.

¹⁴ Малов С.Е. Язык желтых уйгуров. М., 1967. С. 7.

¹³ Malov, S.E. *Monuments of Ancient Turkic Writing*. M., L., 1951, pp. 201—204.

¹⁴ Malov, S.E. *The Language of the Yellow Uighur*. M., 1967, p. 7.

Доставленные в Санкт-Петербург российскими исследователями раннесредневековые тюркские письменные памятники хранятся в Институте восточных рукописей РАН (ИВР РАН). Они включены в состав центральноазиатского фонда (Serindica) и подразделяются на десять коллекций в зависимости от источника поступления. Общее число раннесредневековых тюркских рукописей составляет около 4000 единиц хранения. Найденные по большей части на заброшенных развалинах среди песка и мусора, они имеют вид полуистлевших фрагментов. В сравнительно полном виде до наших дней дошли лишь редкие экземпляры сочинений, сохранившиеся в качестве «священных реликвий» в тайниках монастырей или забытых библиотеках.

По содержанию раннесредневековые тюркские письменные памятники подразделяются на две группы. К первой относятся сочинения религиозно-философского содержания, ко второй — пособия, использовавшиеся в повседневной жизни (медицинские, астрономические, гадательные), эпистолярные сочинения и деловые документы. В количественном отношении доминируют памятники первой группы, но целые, не разрушенные, тексты среди них встречаются сравнительно редко. К числу последних может быть отнесена тюркская версия сутры «Суварнапрахаса» — «*Altun yaruq*», созданная одним из видных литературных деятелей уйгурского княжества Кочо в Восточном Туркестане Шынгко Шели Тутунгом. Она содержит 347 листов формата 22 × 58 см, оформленных по типу пальмового листа (*pustaka*). Рукопись записана классическим книжным письмом позднего периода, но несмотря на позднее время составления списка (XVII в.), в нем нет явных следов «обновления» языка переписчиками.

Особое место занимает другое произведение, принадлежащее перу Шынгко Шели Тутунга — тюркская версия биографии Сюань-цзана. Первые пять разделов биографии Сюань-цзана, записанной его учеником Хуэй-ли, посвяще-

Последний лист V раздела тюркской версии биографии Сюань-цзана. X–XI вв.

Бумага, тушь. 42×17 см. ИВР РАН, SI 3156

Last folium of the fifth part of the Turkic version of Xuan-zang's biography. 10th to 11th century. Indian ink on paper. 42×17 cm. IOM RAS, SI 3156

semi-decayed fragments. Only few of the manuscripts survive in a relatively good condition as complete works, for the most part those that were kept as sacred relics in monastic caches or forgotten libraries.

According to their contents the early medieval Turkic texts are divided into two categories. The first includes doctrinal and philosophical works and the second, diverse writings for everyday use (medical, astronomical and divination reference books), epistles and various contracts. In terms of numbers, the first group prevails, although complete, undamaged scripts are few and far between. The Turkic version of *Suvarnaprabhāsa-sūtra*, known as *Altun yaruq*, can be classed with the latter. The IOM RAS has the most complete text of this version, compiled by Shyngko Seli Tutung, a prominent man of letters from the Uighur kingdom of Kocho in Eastern Turkestan. This book comprises 374 sheets, 22 cm by 58 cm, in the form of a palm leaf (*pustaka*). The classical book script dates from a late period, but in spite of its late origin (the 17th century), the manuscript shows no obvious signs of its language having been modernized by the scribes.

Among the works by Shyngko Seli Tutung, the Turkic version of Xuan-zang's biography stands out. The first five parts of Xuan-zang's biography, recorded by his pupil Hui-li, deal with his journey to India in the 7th century. In terms of their contents, these parts go beyond the limits of Buddhist writings marked by established turns of phrase and conventional clichés.

Фрагмент 20-го листа
четвертого раздела тюркской
версии "Сутры Общины белого
лотоса". X–XI вв.
Бумага, тушь. 13×17 см
ИВР РАН, SI Uig. 4

*The fourth part of the Turkic
version of the "Sutra of the White
Lotus Community". Fragment of
folium 20. 10th to 11th century.
Indian ink on paper. 13×17 cm
IOM RAS, SI Uig. 4*

Деловой документ
(хозяйственные записи).
XIII–XIV вв.
Бумага, тушь. 37×13 см
ИВР РАН, SI O39

*Economic document
(household records).
13th to 14th century.
Indian ink on paper.
37×13 cm
IOM RAS, SI O39*

ны его путешествию в Индию в VII в. По своему содержанию эти разделы биографии выходят за рамки буддийских сочинений с их разработанной стандартной терминологией и трафаретными формулировками. Живой, гибкий и выразительный язык возводит его произведение в разряд выдающихся тюркских литературных произведений эпохи раннего средневековья.

К числу относительно хорошо сохранившихся памятников этого круга в рукописном собрании ИВР РАН относятся также тюркская версия сутры «Дишаствустик» (рукописная книга в 43 листа формата 14 × 13 см), перевод на тюркский язык двадцать пятого раздела сутры «Садхармапундарика» (рукописный свиток в 236 строк), манихейская покаянная молитва «Хуастуанифт» (рукописный свиток в 160 строк). В фрагментарном виде представлены части таких произведений как *Daśakarmapathāvanamālā*, *Amitayus*, *Sekiz yükmek*, «Сутра Общины белого лотоса» и др.

Памятники нерелигиозного содержания, основную часть которых составляют деловые документы, сосредоточены главным образом в коллекциях С.Ф. Ольденбурга, С.Е. Малова, Н.Н. Кроткова.

Коллекции раннесредневековых тюркских письменных памятников комплектовались по большей части без системы, по мере поступления, и поэтому нередки случаи, когда фрагменты одних и тех же сочинений рассредоточены по разным коллекциям.

Составители раннесредневековых тюркских текстов применяли разные письменные системы: руническую, манихейскую, эстрангело, брахми (центральноазиатского типа), тибетскую, уйгурскую и др. Судя по количеству сохранившегося материала, наибольшее распространение в Восточном Туркестане в рассматриваемый период получило уйгурское письмо. Возможно, что одной из причин его популярности была относительная компактность. Это письмо строится на основе всего лишь шестнадцати графических элементов, с помощью которых передается около трех десятков фонем тюркских языков вместе с их аллофонами. Общее число графем не превышает двадцать, поэтому некоторые графемы являются многозначными (полифонными). Эти особенности уйгурского письма, при всех прочих его достоинствах, являются причиной повышенной сложности дешифровки записанных на нем текстов.

Owing to its flexible and expressive language, this work belongs with the best of the Turkic literature of the Early Middle Ages.

Relatively well-preserved literary monuments of the same circle in the IOM collection are also the Turkic version of *Diśastvustik Sutra* (a handwritten book of 43 sheets, 14 × 13 cm), the Turkic translation of the twenty-fifth part of the *Saddharmapundarīka-sūtra* (a handwritten scroll of 236 lines), and the *Xwāstwānīft*, Manichaean confession prayer (a handwritten scroll of 160 lines). There are also fragmentary parts of such works as *Daśakarmapathāvanamālā*, *Amitayus*, *Sekiz yükmek*, the *Sutra of the White Lotus Community* etc. secular texts, mostly commercial documents, are mainly concentrated in the Oldenburg, Malov and Krotkov collections.

The collections of early medieval Turkic manuscripts were built up unsystematically, as they came in; therefore, fragments of the same works are frequently found in different collections. The IOM RAS has samples of diverse scripts, e.g. runic, Manichaean, Estrangelo, Brāhmī (of the Central Asian variety), Tibetan, Uighur and others. Judging by the amount of extant material, the Uighur alphabet was the most common in Eastern Turkestan during the period under consideration. Its popularity might have been due to its relative compactness. It is based on just sixteen graphic elements which can convey about three dozen Turkic phonemes and their allophones. The total number of graphemes does not exceed twenty, therefore some of the graphemes are polysemantic (polyphonic). These features of the Uighur script, while having some positive aspects, sometimes make the Uighur texts extremely difficult to decipher.